

Глава 5

Вестибюль первого этажа был местом для отдыха — тихим, наполненным изысканными деталями интерьера. В углу, за массивными книжными полками и глубокими диванами из коричневой кожи, скрывалось небольшое уединённое пространство.

Чэн Муюнь остановился и направился напрямик туда.

— Ассистент... ассистент Чэн, вы что, не подниметесь? — Юй Шаонин, поспешно следовавший за ним, замер в недоумении.

— Ни к чему, — отозвался Муюнь. — Моё присутствие наверняка заставит вас всех чувствовать себя неловко, не так ли?

Директор Юй мгновенно вспомнил, как Чэн Муюнь сидел за столом — одинокий, отрешённый, не проронивший ни слова за весь вечер. Юноша хотел что-то возразить, но собеседник уже надел очки, миг превратившись в того самого рассудительного и холодного ассистента Чэна.

— Я... тогда я пойду, — пробормотал Юй Шаонин.

Муюнь едва заметно кивнул и, достав ноутбук, погрузился в работу. Профессиональная привычка заставляла его всегда иметь компьютер под рукой, чтобы Цинь Ли мог в любой момент вернуться к делам.

Система, до этого момента хранившая молчание, наконец не выдержала:

[Вы и впрямь плакали?! — изумлённо воскликнула она. — Почему пара слезинок заставила Юй Шаонина отказаться от разоблачения? Это же просто невероятно!]

Муюнь сосредоточенно печатал, успешно справляясь с двумя задачами одновременно.

«Стоит поблагодарить тебя за предоставленные сведения», — мысленно ответил он.

[Сведения? О чём это вы?]

«Помнишь, ты говорила мне: существует любовь, которая заключается в том, чтобы "отпустить"? Я не совсем понимаю суть этого чувства, но мой анализ подсказал: цель Юй Шаонина — свести Цинь Ли и Сун Цзинчэня. Мне оставалось лишь намекнуть ему, что огласка фотографий станет помехой на пути к этой цели».

Система слушала его, затаив дыхание, но всё же чувствовала какой-то подвох:

[И всё же... мне кажется, Юй Шаонин ведёт себя странно. В аэропорту он ведь на дух вас не переносил, разве нет?]

Муюнь усмехнулся:

«Люди... им иногда нужно показать свою слабость. У нас с ним нет кровной вражды. Стоило мне в нужный момент проявить уязвимость, столь нехарактерную для моего обычного образа, как его захлестнула волна вины. Юй Шаонин — классический тип человека, чьими поступками управляют эмоции. Поймешь его чувства — сможешь контролировать действия, это элементарно. К тому же в сценариях подобных клишированных романов все, кроме главных героев — лишь инструменты. Тут нет никаких сложных хитросплетений».

От этих слов Гуй И стало не по себе. У этого человека не было сердца, зато он знал человеческую натуру как свои пять пальцев. А отсутствие сердца означало отсутствие всяких преград.

Обычно волевые и рассудительные люди не выносят демонстрации собственной слабости перед другими, считая это позором. Но Чэн Муюня не заботили такие мелочи, как стыд. Он без колебаний использовал любые средства для достижения цели.

Система, однако, не сдавалась, пытаясь отыскать в нём хоть крупицу человечности:

[Но почему вы не поднялись? По сценарию вы должны были навязываться Цинь Ли, прийти на встречу и сносить унижения. Вы что... испугались?]

Чэн Муюнь негромко рассмеялся:

— Ты уже забыла, что произошло в машине? Я не могу видеть Цинь Ли в таком идиотском виде. Если я проведу там ещё хоть немного времени, у меня случится приступ. Ты... ты уверена, что хочешь, чтобы я поднялся?

[Но сюжет...]

— Может, взглянешь на шкалу прогресса?

Гуй И взглянула и ахнула от неожиданности:

[Двадцать процентов?! Как вы умудрились так быстро продвинуться?!]

— Ой, ну что ты, не стоит похвал, — скромно отозвался Муюнь.

***

Когда Юй Шаонин вошёл в зал, Цинь Ли мгновенно вскинул на него взгляд.

Директор был один.

— Где Чэн Муюнь? — спросил президент Цинь.

Тот потер переносицу, чувствуя необъяснимую неловкость:

— Ассистент Чэн сказал, что у него остались незавершённые дела по работе. Он ждёт тебя внизу.

Ужин уже подходил к концу. Цинь Ли поднялся, намереваясь спуститься и позвать Муюня, но не успел сделать и шага — кто-то с силой дёрнул его обратно за плечо.

— Эй, ты чего? — спросил А Фэн. — Всем будет только неловко, если он придёт. Он поступил очень мудро, оставшись внизу, разве нет?

Мужчина нахмурился, собираясь что-то возразить, но внезапно услышал резкий голос Юй Шаонина:

— А ты вообще как разговариваешь?!

Все присутствующие в изумлении уставились на него. Неужели в юношу бес вселился? С чего вдруг он стал заступаться за Чэн Муюня?

Сам директор тоже почувствовал себя неловко. Он привык говорить не подумав, и сейчас, когда в памяти неволей всплыло горькое, самоироничное лицо Муюня, слова вырвались сами собой.

Атмосфера в зале стала крайне натянутой.

Сун Цзинчэнь поднялся и мягко произнес:

— Сяо Ли, А Фэн прав, он ведь старался для нас. Давай просто посидим немного наверху. Я и сам только вернулся, посидим немного — и разойдёмся.

Эти слова звучали столь логично и вовремя, что Юй Шаонин был спасен от неминуемого позора.

Цинь Ли помедлил. Он знал характер помощника: если тот сказал «работа», значит, так оно и есть. Казалось, за исключением желания всегда быть рядом с ним, Муюнь был совершенно лишён каких-либо иных стремлений. Подумав об этом, мужчина кивнул:

— Хорошо. Посидим ещё немного.

Компания поднялась выше, чтобы выпить ещё по бокалу. Казалось, Цинь Ли совершенно забыл о Муюне, ждущем внизу. Однако ровно в одиннадцать часов он внезапно встал.

Сидевший рядом Сун Цзинчэнь удивлённо спросил:

— В чём дело?

— Пожалуй, пора заканчивать, — ответил Цинь Ли.

Друзья, прекрасно знавшие его привычки, лишь рассмеялись:

— Цзинчэнь, Цинь Ли теперь у нас за здоровый образ жизни. Ни одна встреча не длится дольше полуночи. Не обращай внимания, мы продолжим без него.

Президент лишь коротко улыбнулся:

— Я пойду.

Когда его фигура скрылась за дверью, Сун Цзинчэнь помедлил несколько секунд и бросился следом. К его удивлению, Цинь Ли не направился к лифту, а пошёл в сторону уборной в конце коридора.

Цзинчэнь последовал за ним и увидел, как тот умывается холодной водой. Закончив, мужчина вынул из внутреннего кармана пиджака небольшой флакон и распылил парфюм на воротник.

В воздухе разлился тонкий аромат.

Цзинчэнь ещё за столом ощущал этот запах — благородный древесный аккорд с лёгкой ноткой отстранённости. Он идеально подходил нынешнему образу Цинь Ли.

От этого аромата... сердце невольно начинало биться чаще.

Мужчина, закончив приводить себя в порядок, заметил чьё-то присутствие в дверях. Обернувшись, он увидел Сун Цзинчэня, который стоял и о чём-то напряжённо думал.

— Что случилось? — спросил Цинь Ли. — Что-то не так?

Цзинчэнь, казалось, вздрогнул от неожиданности:

— А... нет, ничего. Просто подумал, что ты очень изменился с нашей последней встречи.

Он был почти на полголовы ниже друга, и когда тот опустил взгляд, он увидел лишь макушку юноши.

— У тебя... светло-коричневые волосы? — Цинь Ли почувствовал какое-то странное несоответствие.

Цзинчэнь на миг растерялся, но тут же ответил:

— Ах, да. Они у меня всегда были светлыми. Ты забыл, что моя бабушка была из страны Е?

— Да, — безучастно отозвался президент и направился к выходу.

В этот момент он внезапно вспомнил о Чэн Муюне. У того волосы были иссиня-чёрными, цвета чистой тьмы.

Порой Цинь Ли ловил себя на том, что ему невыносимо хочется прикоснуться к этим волосам — прохладным, гладким, сияющим, словно чёрные драгоценные камни. Раньше он думал, что это желание вызвано какими-то старыми добрыми воспоминаниями, но теперь...

Похоже, это было не так.

Легкий хмель заставил мысли мужчины течь по самому простому руслу. Теперь всё, чего он хотел — это убедиться, какого именно цвета волосы у Муюня, и понять, как он вообще мог считать его похожим на Сун Цзинчэня.

Охваченный странным беспокойством, Цинь Ли напрочь забыл о вежливости, проигнорировав фразу, которую Цзинчэнь начал произносить ему вдогонку.

— Сяо Ли, куда ты? Мы же не договорили...

Двери лифта сомкнулись, отсекая лишние звуки. Спустившись в холл, Цинь Ли сразу увидел Чэн Муюня.

Тот сидел в кресле у окна. Света там было немного: лишь тусклое сияние уличных фонарей, пробивающееся сквозь панорамное стекло, да холодный отблеск от экрана ноутбука.

Профиль Муюня был безупречен: прямая линия носа, длинные ресницы. В этом приглушённом свете его волосы казались ещё чернее, а кожа — белее фарфора. Он напоминал изысканную картину, написанную тушью; даже воздух вокруг него казался неподвижным и спокойным.

Настолько спокойным, будто этот человек не имел ничего общего с окружающим миром.

Цинь Ли внезапно ощутил укол необъяснимой тревоги. Он быстрым шагом направился к Муюню, нарушая это ледяное уединение.

Чэн Муюнь был полностью погружен в работу. Он обладал крайне ответственным характером: раз уж ему пришлось здесь ждать, он решил потратить время с пользой.

— Чэн Муюнь.

Тот поднял голову и увидел перед собой президента.

Волосы на лбу мужчины были слегка влажными — видимо, после умывания. Запах алкоголя надёжно скрывал древесный парфюм, и в облике Цинь Ли не было ничего, что могло бы вызвать у Муюня неприязнь.

«Прекрасно».

Ассистент закрыл ноутбук и, поднявшись, спросил:

— Пора возвращаться?

Стоило ему заговорить, как перед Цинь Ли снова предстал тот самый привычный Чэн Муюнь. Мужчина кивнул, чувствуя, как тревога отступает, и мысленно списал своё странное состояние на действие вина.

Заметив, что президент молчит, Муюнь уточнил:

— Мне нужно подготовить что-то ещё?

— Нет, — ответил Цинь Ли. — Время позднее, завтра много дел. Едем домой.

Муюнь уже собрался идти к машине, как в его сознании раздался голос Гуй И:

[Предупреждение! Предупреждение! Шкала прогресса в опасности!]

В тот же миг перед глазами Муюня возникла шкала: недавние двадцать процентов вспыхнули тревожным красным светом и начали стремительно убывать.

«...»

Муюнь спешно сверился со сценарием и обнаружил серьёзную проблему.

Согласно сюжету, Цинь Ли должен был спуститься и объявить, что Сун Цзинчэнь поживёт в их доме. Муюнь же, в свою очередь, обязан был выказать недовольство, тем самым впервые вызвав у мужчины чувство неприязни.

Но что происходит сейчас? Цинь Ли даже не упомянул о Цзинчэне. А если тот не переедет к ним, добрая половина следующих сцен просто не состоится.

Чэн Муюнь замялся. Он понимал, что должен как-то натолкнуть Цинь Ли на эту мысль, но прямой вопрос совершенно не вписывался в его текущий образ.

— Господин Цинь, прошу прощения, подождите минутку. Мне нужно уладить ещё одну деталь, — бросил он и, достав телефон, быстро набрал сообщение Юй Шаоину.

«Мы с Цинь Ли собираемся уезжать. Кажется, он немного перебрал. Вы ничего не забыли наверху?»

Всё прошло именно так, как и рассчитывал Муюнь — ответ пришёл мгновенно.

Юй Шаоин: «Стойте, я сейчас спущусь».

Спустя пять минут директор Юй уже был в холле. Он быстрым шагом подошёл к президенту, собираясь что-то сказать, но, наткнувшись на бесстрастный взгляд Муюня, стоявшего рядом, осекся.

Тот помедлил, борясь с собой, но, вспомнив истинную причину отъезда Цзинчэня много лет назад, всё же сделал выбор.

— Подойди-ка на пару слов.

Он отвел Цинь Ли в сторону и шёпотом спросил:

— Ты что, совсем голову потерял? Забыл о чём-то важном?

Мужчина прищурился. Хмель уже начал брать своё: внешне он казался спокойным, но мысли

двигались медленно и неповоротливо.

— О чём ты?

— О Цзинчэне!

— А что с ним?

Юй Шаонин украдкой оглянулся на Чэн Муюня. Тот всё так же неподвижно стоял в стороне и, казалось, ничего не слышал. Только тогда собеседник продолжил:

— Ты что, совсем про него забыл? Мы же договаривались, что он поживёт у тебя какое-то время.

Только тогда Цинь Ли вспомнил об их уговоре, заключённом ещё до возвращения Сун Цзинчэня. Идея поселить его у себя не была продиктована романтическими чувствами — на то были иные, прозаичные причины.

В детстве они жили по соседству. Родители Цзинчэня вечно пропадали на работе, и тот часто ел и спал в доме Цинь Ли. Со временем у него появилась там своя комната, обставленная мебелью, которую специально купили его родители.

После смерти родителей Цинь Ли переехал, но старый дом сохранил. Он был человеком, привязанным к прошлому, и хотел сберечь эти крупы детские воспоминаний.

Позже, когда район попал под снос, президент приобрёл огромную виллу и перевёз туда все вещи из родительского дома, бережно расставив их на втором этаже.

Сун Цзинчэнь должен был остановиться у него именно из-за этой старой мебели. Он с детства рос избалованным и капризным малым, и ещё до возвращения жаловался в общем чате, что не знает, где ему приткнуться.

К отелям он привыкал с огромным трудом.

Тогда-то Юй Шаонин и предложил: раз уж у Цинь Ли до сих пор стоит та самая комната Цзинчэня, почему бы ему не пожить там, пока не найдёт себе подходящее жильё?

Цзинчэнь охотно согласился, хозяин дома не возражал, и вопрос считался решённым.

Но президент выпил лишнего, а потом все его мысли занял Муюнь, ждавший внизу, и он напрочь выкинул это из головы. Неудивительно, что Цзинчэнь в уборной выглядел таким

растерянным и расстроенным.

Цинь Ли потер переносицу и выдохнул:

— Ладно. Скажи ему, пусть спускается.

Услышав это, Шаонин снова невольно покосился на ассистента.

— Что ты там высматриваешь? — Мужчина сделал шаг в сторону, заслоня Муюня от чужого взора. Он заметил, что за последние минуты Шаонин посмотрел на его помощника как минимум раз пять.

— А... нет, ничего. Тебе не кажется, что стоит... ну... сказать ассистенту Чэну?

— Сказать о чём? — Цинь Ли снова не понимал, к чему тот клонит.

Юноша уже не на шутку разволновался, забыв о всякой дипломатии:

— О Сун Цзинчэне! Вы же вроде как живете вместе?

До мужчины наконец дошло. Действительно, в такой ситуации стоило хотя бы поставить партнёра в известность. Но Муюнь всегда был столь покладист и никогда не оспаривал его решений. Дом был огромен, и ночёвка старого друга не казалась президенту чем-то из ряда вон выходящим — потому-то он и не подумал спросить.

Он подошёл к помощнику и ровным тоном произнёс:

— Сун Цзинчэнь поживёт у нас некоторое время. Ты не против? — он помедлил и добавил: — Я обещал ему ещё раньше.

— А если я буду против, ты пойдёшь и скажешь ему, что передумал? — Чэн Муюнь снял очки и прямо посмотрел на него.

Его зрачки были такими тёмными, что Цинь Ли на миг показалось, будто этот взгляд проникает ему в самую душу.

— ... — Мужчина оторопел. — Что?

— Ничего.

Муюнь потер переносицу, будто снял очки лишь для того, чтобы дать ей отдохнуть.

— Я не возражаю.

— Ассистент Чэн, вы в порядке? — встрял подошедший Шаонин.

Муюнь улыбнулся, и в уголках его глаз проступили мелкие морщинки:

— В полном. Спасибо.

«Почему он улыбается ему?» — Цинь Ли нахмурился. Прежняя мысль, возникшая ещё в машине, кольнула с новой силой: когда Муюнь смотрит на него, его лицо не выражает ничего, но стоит появиться Юй Шаонину...

И он улыбается?

Мужчина хотел что-то сказать, но не находил слов. Внезапно вспыхнувшее раздражение заставило его запустить руку в волосы, взъерошивая их. Он ещё не успел опустить руку, когда услышал голос Чэн Муюня:

— Президент Цинь, у вас волосы растрепались. Позвольте, я поправлю.

Цинь Ли внезапно почувствовал облегчение. Он замер, послушно склонив голову, чтобы Муюню было удобнее. Подобная близость давно стала для них привычной и естественной.

Чэн Муюнь просто не выносил, когда Цинь Ли выглядел небрежно. Поправляя пряди, он лениво отвечал Системе.

[Что... что вы творите?! Вы опять решили пустить всё под откос?!]

«Сама посмотри в сценарий, — парировал Муюнь. — Разве там не сказано, что я должен проявить ревность и вызвать у Цинь Ли первое раздражение?»

[Но мне кажется, он вовсе не раздражён!]

«Он так разволновался, что даже причёску испортил. Разве это не признак раздражения?»

[Мне всё равно кажется, что здесь что-то не так... Ой, скорее! Перестаньте, Сун Цзинчэнь спускается!]

«К чему такая спешка? Разве ревнивец не должен устроить маленькую, жалкую демонстрацию превосходства перед соперником?»

Договорив, он неспешно закончил приводить в порядок волосы Цинь Ли и лишь тогда отступил на шаг, вежливо улыбнувшись спустившемуся Сун Цзинчэню.

— Президент Цинь, господин Сун пришёл. Можем ехать.

<http://bllate.org/book/15360/1413229>